

Восточно-славянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993. С. 357.

5. Гацак В.М. Этнопоэтические константы в фольклоре: уровни, изоглоссы, «мультимедийные» формы (на славянском и неславянском материале) // XIII Международный съезд славистов. Литература, культура и фольклор славянских народов. М., 2002. С. 319.

6. Гацак В.М. Текстология фольклора. // Восточно-славянский фольклор. Словарь научной и народной терминологии. Минск, 1993. — С. 354.

7. Шорские героические сказания. Новосибирск, 1998. 463 с. Т.17; Алтайские героические сказания «Очи-Бала», «Кан-Алтын». Новосибирск, 1997. 668 с. Т.15.

8. Гацак В.М. Некоторые опыты текстологии фольклора // Наука о фольклоре сегодня: междисциплинарные взаимодействия. М., 1998. С. 26-27.

9. Орус-оол С.М. Тувинские героические сказания (текстология, поэтика, стиль). М., 2001. 422 с.

Ж. М. Юша

МАКТАЛ (ВОСХВАЛЕНИЯ) В ТРАДИЦИОННЫХ СПОРТИВНЫХ СОСТЯЗАНИЯХ ТУВИНЦЕВ

В тувинском обществе проведение любых коллективных обрядов и праздников не обходилось без спортивных игр: борьбы - *хуреш* и конных скачек - *аът чарыжы*. Они составляли заключительный этап проводимого обряда. Как отмечает А.К. Кужутет, «проводились спортивные состязания в триаде - коллективное моление - соревнования - пиршество...» [1].

Хуреш и *аът чарыжы* были наиболее распространенными и массовыми видами национальных состязаний. Одним из основных вербальных компонентов, сопровождающих такие состязания, являлись *макталы* - восхваления. Они отражают образное видение народом прекрасного, веру людей в магическую силу слова.

В обрядовом фольклоре монголоязычных народов (бурят, монголов) также бытуют восхваления, посвященные борцам, скакунам [2]. Среди тюркоязычных народов жанр восхвалений имеется только у тувинцев. Это можно объяснить

территориальной близостью, культурным взаимодействием тувинского и монгольского народов. Однако имеются характерные признаки, присущие только тувинским *макталам*.

Макталы (восхваления) — поэтические тексты, прославляющие определенные достоинства, качества борцов и скакунов, с целью вдохновить их на победу или вознаградить за успех. По адресной направленности и функциональному назначению они делятся на следующие группы: 1) призывание борца - *моге кыйгырары*; 2) восхваление победившего борца - *шүцүлген мөгени мактаары*; 3) восхваление победившего скакуна - *эрткен агтты мактаары*. Произносятся напевным речитативом, торжественно-приподнятым тоном. По композиции *мактал*, независимо от того, кому он посвящается (борцу или скакуну), включает только один семантический компонент - текст восхваления.

Макталы близки к *йөрээлам*: они также выражают позитивные пожелания, обращены к доброму, проникнуты прекрасным, однако отличаются временным планом. В *йөрээлах* высказываются пожелания на будущее, а в *макталах* восхваляются определенные качества и достоинства борцов, скакунов в реальной действительности.

Национальная борьба - хуреш. По традиции в борьбе участвует определенное четное количество борцов: 32, 64, 128 и т.д. Правило ведения борьбы заключалось в том, чтобы каким-нибудь неожиданным для противника приемом или движением свалить его на землю. Опытные борцы имели свои личные приемы для достижения успеха. По правилам тувинской борьбы человек, упавший или задевший какой-либо частью тела землю, считался побежденным и выбывал из игры. Борцы одевались в специальные костюмы, состоящие «из трусов и короткой куртки с длинными рукавами, едва прикрывающей бока и спину, чуть ниже лопаток» [4].

Перед началом борьбы все участники выходили с двух сторон поля и исполняли танец орла - *деви́г*, имитирующий полет парящего в небе орла. «Высоко подняв руки, словно крылья орла, борцы медленно, в такт музыке, передвигались по площадке со значительного расстояния по направлению к публике. Это чрезвычайно красивое, завораживающее зрелище: танец 128 самых сильных и красивых мужчин» [4].

У тувинцев, как и у монголов, «сначала выходили на поле самые слабые пары, которых постепенно сменяли все

более сильные и ловкие, последними выступают самые известные борцы» [5]. В каждой группе имелся свой *салыкчы* (букв.: выпускающий борцов, секундант). Обычно это люди, которые раньше тоже участвовали в схватках силачей и знали правила состязания. Они следили за ходом схватки, подбадривали своих подопечных, и если возникали спорные вопросы, защищали их интересы перед судьями. По этому поводу А.Н. Аксенов пишет: «Успех борьбы зависит во многом от *салыкчы*. Он подбадривает своего борца словами и жестами, высмеивает противника, смешит зрителей и между шутками предупреждает своего борца о намерениях и хитростях противника (замечаемых им со стороны)» [6].

Одна из главных обязанностей *салыкчы* вызвать на поле своего борца специальным поэтическим исполнением - *призыванием борца*.

Салыкчы исполняет призывание борца (*моге кыйгырары*) громко, напевным речитативом. Он обязательно расхваливает ловкость и силу борца, тем самым давая ему установку на победу. Вот как звучит одно из таких призываний известного борца:

Улуг Чаанны үндүрүңөр!
Кадыг эътке харбас мөге,
Калбак Дашка тайбас мөге,
Туткан холу какпа дег,
Турган боду өргөн ышкаш,
Хөлчүк дег ала караан
Көре каап, шийип каап,
Он холун буруңгаар сунуп,
Солагай холун соңгаар сунуп,
Адак соонда агып-дагып кестүп,
Көктүг черни хөлбеңнедир,
Көк дээрни хөлбейтир
Девип-давып үнүп келди! [7]

Великого Слона* выпускайте!
Жестким мясом не подавляемый борец,
О широкий камень не спотыкающийся борец,
Руки [его] хваткие, как капкан,
Сам стоит, как [вбитый] кол,

*Слон — титул побеждавшего борца

[Большие], как озеро, глаза
То открывая, то закрывая,
Правую руку, вперед вытягивая,
Левую руку, назад вытягивая,
Наконец, издали показался,
Зеленую землю, колебля,
Синее небо, колыша,
Исполняя танец борца, выходит!

После того, как салыкчы произнесет призывание (мөгө кыйгырары), борцы-соперники выходили на поле в сопровождении своих секундантов и начинали исполнять танец орла. «Их походка, приседания, взмахи руками, похлопывание себя по бедрам имитируют полет мифической птицы Гаруды. Это как бы форма представления зрителям, которые радостно приветствуют появление борца» [8].

Об известных борцах в своих призываниях салыкчы, придерживаясь канонического текста, должны последовательно сообщить: 1) имя борца; 2) насколько он прославленный боец; 3) сколько раз побеждал; 4) какое имеет прозвище титул [9]. Например,

Үш катап шүүлген,
Улуг-Хемниң Үрбүн сумузундан
Арзылаң Доржунуң онаан эккелицер!
Мөгө шылады-ы! У-у! [10]

Три раза побеждавшего,
Из Улуг-Хемского сумона Урбун
Соперника Льва Доржу вызывайте!
Борец устает ждать! У-у!

Иногда оба салыкчы призывали своих борцов к выходу в форме диалогической речи. Первый из них призывал

- Мээн мөгем үндү-ү!
Мөгөнер үндүрүнер!

- Мой боец выходи-ит!
Своего борца выпускайте!

Второй отвечал:

- Мээн мөгем содак-шудаа
Белен чок сынмайн туру.
А-дыр, а-дыр!
Бичии мананар!
Арзылаң аттыг Чула-Дамба! [11]

- Мой боец в одежду борца
Просто не помещается.
По-дождите, по-дождите!
Чуть-чуть подождите!
Львом называемый Чула-Дамба!

Призывая молодых борцов к состязанию, салыкчы с целью достижения должного настроения у борца, например, произносил:

Дээлдиген дег тевингир,
Хартыга дег кашпагай мөгө!
Онаан үндүрүнер! [12]

Как сокол быстрый,
Как ястреб проворный боец!
Соперника выпускайте!

Самым захватывающим моментом являлся финал борьбы. На оставшейся пары борцов кто-то должен был выйти победителем. «Победитель должен был проявить уважение к побежденному, помочь ему подняться, отряхнуть пыль со спины, даже если ее не было» [13]. Борец-победитель совершал торжественный круг, исполняя танец орла. Зрители чувствовали победителя как самого непобедимого борца. Восхвалять победившего борца поручали самому красноречивому человеку [14]. Он произносил следующее восхваление:

Шүүлген мөгениң адын кыйгырар-дыр оо!
Дуран болган карактыг,
Туман болган тыныштыг,
Туң дег ак диштиг,
Турган боду арзылаң дег,
Соондан көөрге,
Соок кара кончуг далай дег.
Эр бодун көөрге,
Эзир куш дег, девип турар.
Эр хөөкүйнү көөрүмге,
Эзир куштан артык ышкаш.
Кижиниң оглу шупту ындыг болза,
Магалыг-ла-дыр, байырлыг-ла-дыр!

Победившего борца имя назовем оо!
С глазами [зоркими], как бинокль,
С дыханием, как туман,
С зубами, как белая раковина,

Восхваляющий уподоблял скакуна быстро летящей птице, стремительному вихрю:

Хартыга куш дег дүрген чоруур,
Хат-салгын дег дүрген чүгүрүк,
Эзир куш дег дүрген чоруктуг,
Ээр казыргы дег дүрген чүгүрүк [22].

Летающий, как ястреб, быстро,
Несущийся, как ветер, быстро,
Как орел, быстро бегущий,
Как вихрь, быстро несущийся.

Призывая зрителей обратить особое внимание на достоинство коня-победителя, он посвящал ему следующий *мактал*:

Доос куш дег кудуруктуг,
Чүгүрүк аътты көрүңээр!
Доозун үндүрер даяктыг,
Чедип келди! [23]

С хвостом, как у павлина,
На скакуна посмотрите!
С копытами, пыль поднимающими,
Уже прискакал!

В архивных материалах есть упоминание о лошади, пришедшей к финишу самой последней. Такую лошадь, на свидетельствах информаторов, также иронично «награждали восхвалением» [24]. К сожалению, мы не располагаем текстом подобного восхваления у тувинцев. Рассматривая традиционную культуру монголов, Н.Л. Жуковская приводит пример своеобразной «хвалы» в честь лошади, пришедшей к старту последней, записанный монгольским фольклористом Х. Сампилдэндэвом:

По ошибке и недогляду
Хозяина этого скакуна
Привязь его во время выдержки оказалась слишком короткой.
Парнишка, который скакал на нем, был неопытным,
А плетка в его руках — слишком короткой.
То холмы, то ямы на пути ему попадались,
Помехи, задержки на каждом шагу его встречали,
Обрывы и барханы на пути его попадались,
Препятствия то и дело его задерживали.

Хотя он резво начал бег,
Припнулся последним,
Словно телега, запряженная быками.
Хотя в этом году его величают «богатым желудком»,
На будущий год быть ему первым,
Первым из тьмы! [25]

Художественно-образительные средства. Для восхвалений наиболее характерен прием гиперболизации. Это связано с функциональной задачей самого жанра мактала: красочно описать лучшие из достоинств борцов и скакунов, а также для психологического воздействия, создания неординарной, сакральной атмосферы и призыва духа победы. Поэтому здесь все подано крупным планом, гиперболизировано. Стать борца, его действия, а также скакун предстают перед зрителями в сказочно-богатырском виде. Гиперболы в этом жанре сходны с некоторыми описаниями богатыря и его коня в эпосе монголо-тюркоязычных народов.

Коню, например, как и в эпосе, дают такую характеристику:

Булуттуг дээрниц адаа-биле,
Будуктуг ыаштың кыры-биле маңнаар [27]

Под облачным небом,
Выше ветвистых деревьев бегущий

Салыкчы призывает своего борца на поле, так же преувеличенно описывая его силу и мощь. Например,

Көктүг черни хөлбеннедир,
Көк дээрни хөлбейтир,
Үнүп келди! [27]

Зеленую землю колебля,
Синее небо кольша,
Выходит!

Мээн мөгөм содак-шудаа
Белен чок сыңмайн туру [28].

Мой борец в одежду борца
Просто не вмещается!

Образная характеристика гиперболической мощи борца передается посредством сравнения его богатырского телосложения с объектами особого величия:

Турган боду арзылаң дег,
Соондан көөрге,
Соок кара кончуг далай дег. [29]

Сам, как лев, [сильный],
Сзади посмотришь,
[Смотрится] как
холодное черное море.

В восхвалениях борцу мгновенность его реакции в борьбе с соперником передается такими формульными выражениями:

Карак чивеш аразында
Катай кагар кадыг мөге! [30]

Не успеешь глазом моргнуть,
Делает подсечку стойкий борец!

Или:

Эргек дырбаш аразында
Эгин бажын часпас мөге! [31]

Не успеешь пальцем пошевелинуть,
За плечи [хватает], не промахиваясь, борец!

Скакун-победитель и его бег также могут характеризоваться гиперболическими сравнениями:

Даг ышкаш боттут,
Ок ышкаш чоруктут [32].

Тело подобно горе,
Как [пущенная] стрела молниеносен.

Исключительная быстрота бега скакуна рисуется так:

Дуруяа кушка четтирбес,
Тура дүшпес маңнаар.
Тогдук кушка четтирбес,
Доктаап дүшпес дүрген маңнаар [33].

Журавлю его не догнать —
Непрерывно бегущий.

Дрофе его не догнать —
Не останавливаясь, быстро бежит.

Дүктүг даванныгга четтирбес,
Чүглүг кудуруктутга баштатпас [34].

Шерстоногим [зверям] его не догнать,
Хвостатым пернатым не быть впереди его...

Мунган киж
Хадый бээр ышкаш [35].

Всадник [сидящий на нем],
Кажется, слетит с него.

Как видно, в *макталах* с помощью употребления гиперболических сравнений слушателям дается представление о неслыханной силе и ловкости борца, коня. Следовательно, они в *макталах* служат для идеализации восхваляемого объекта, и с их помощью выявляются наиболее характерные, отличительные черты славящего объекта. О системе художественной образности народной поэзии у бурят, в частности, о тропах, С.Ш. Чагдуров писал: «Там, где есть идеал, психологически неизбежны преувеличения» [36]. В тувинской обрядовой поэзии это можно отнести к восхвалениям.

Таким образом, *макталы*, как неотъемлемая часть состязаний, выполняли следующие задачи: путем прославления определенных достоинств и качеств борца призывали его на борьбу; поднимали эмоциональный настрой и дух борца, а также вдохновляли его на победу; воспевали победившего скакуна высоким поэтическим словом. Несмотря на то, что в настоящее время в Туве проводятся данные виды традиционных спортивных состязаний, *макталы* на них практически не исполняются. К сожалению, данная фольклорная традиция почти утрачена, теперь ведутся только спортивные комментарии.

Примечания

1. Кужугет А.К. Зрелищно-игровые элементы в культовых обрядах тувинцев. Кызыл, 2002. с. 69.
2. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. Москва, 1988; Бардаханова С.С. Система жанров бурятского фольклора (поговорки, загадки, благопожелания). Улан-Удэ, 1959.

3. Аксенов А.Н. Тувинская народная музыка. Москва, 1964. С.17.
4. Кужутет А.К. Тувинский летний праздник *оваа дагыныры* // Ученые записки ТИГИ. Выпуск XIX. Кемерово, 2008. С.211
5. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. Москва, 1988. С.74.
6. Аксенов А.Н. Тувинская народная музыка. Москва, 1964. С. 18.
7. Тыва улустун алгыш-йөрээлдери (тург. Кыргыз З.К.) Кызыл, 1990. Ар. 55-56.
8. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. Москва, 1988. С.75.
9. РФ ТИГИ, т. 75, д. 315.
10. Там же, т. 244, д. 933.
11. Там же, т. 227, д. 922.
12. Там же, т. 265, д. 1092.
13. Курбатский Г.Н. Тувинские праздники: историко-этнографический очерк. Кызыл, 1973. С.24.
14. РФ ТИГИ, т. 284, д.375.
15. Там же.
16. Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. —Москва, 1988. С.80.
17. Там же. С. 80
18. Самбу И.У. Тыва оюннар. Кызыл, 1968. Ар.25.
19. Аксенов А.Н. Тувинская народная музыка. Москва, 1964. С.18.
20. РФ ТИГИ, т. 265, д.1092.
21. Там же, т. 75, д. 315.
22. Там же, т. 307, д. 2190.
23. Там же, т. 247, д. 1004.
24. Там же, т. 75, д. 315.
25. Жуковская Н.Л. Монголы. Весенне-летние обычаи и обряды // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Москва, 1989. С. 248.
26. Тыва улустун алгыш-йөрээлдери (тург. Кыргыз З.К.) Кызыл, 1990. Ар.54.
27. Там же, с. 55.
28. РФ ТИГИ, т. 235, д.959.
29. Тыва улустун алгыш-йөрээлдери (тург. Кыргыз З.К.) Кызыл, 1990. Ар.55.
30. РФ ТИГИ, т. 243, д.993.
31. Там же, т. 75, д. 315.

32. Там же, т. 86, д. 375.
33. Там же, т. 178, д. 703.
34. Там же, т. 235, д. 959.
35. Там же, т. 120, д. 496.
36. Чагдуров С.Ш. Прародина монголов. Улан-Удэ, 1999. С.58.

М. П. Татаринцева

ДУХОВНЫЕ СТИХИ КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕНТАЛИТЕТА СТАРООБРЯДЦЕВ

Духовные стихи — произведения эпического, лироэпического и лирического содержания на религиозные и религиозно-нравственные темы. Этот жанр появился с распространением на Руси христианства, исполнение духовных стихов в средние века было связано с каликами-перехожими, странниками [1], которые кормились своим искусством. В определенной степени им можно приписывать и сочинение самых первых стихов, хотя тематика, стилистика и лексика стихов показывают, что сочинение их продолжалось и в последующие годы, вплоть до наших времен. Популярность духовных стихов в народе с течением времени увеличивалась, постепенно они перешли в устный репертуар обычных знатоков фольклора, особенно людей, глубоко верующих.

Их пели наизусть или по записи в тетрадке, напев напоминал обычные лирические песни, но чаще исполнялись напевы протяжные и даже унылые как наиболее отвечающие содержанию стихов.

С течением времени, особенно в прошлом веке, когда господствующей политикой государства был воинствующий атеизм, а массовое безбожие стало обычным делом, духовные стихи перестали быть широко востребованными, стали выпадать из репертуара знатоков фольклора и сохранялись в памяти лишь у верующих людей. Да и под давлением господствующей идеологии изменились, духовные стихи вместе с некоторыми другими жанрами, в которых отразились религиозные верования народа, попали в разряд